

РОССИЯ: Взгляд из-за океана

ИСТОРИЯ КИНО

ИСТОРИЯ КИНО

Беда этой и многих других закатных картин о нас, как впрочем и наших об Америке, в недостаточном знании чужой жизни, что сильно мешает делать правдивые ленты друг о друге. Трудно представить себе, например, чтобы Андрей Тарковский, не повидав как бедует Соединенные Штаты, не почувствовав эту страну, взял бы на себя роль нью-йоркской интеллигентки или техасских миллионеров. По тем же мотивам вряд ли можно интерпретировать русскую жизнь знающие ее лишь книжно Артур Пенн или Роберт Олтмен. Нам чаще всего за постановку такого рода лент берутся режиссеры-эмигранты, нередко родившиеся в нашей стране. В годы войны Григорий Ратофф (Григорий Ратов) снял "Песнь о России", которая демонстрирова-

картины, которые у нас тут же объявляли антисоветскими. Между тем, все было отнюдь не столь однозначно. И если в таких лентах первой половины 80-х, как "Красный рассвет", "Вторжение в США" или телесериале "Америка" их авторы вполне сознательно заигрывали соотечественников русской угрозой, то в фильмах, затрагивающих внутреннюю жизнь СССР, содержалась порой горькая для нас правда. Это касается прежде всего трагических тем массовых репрессий и насильственного давления инакомыслия, для нас долгие годы запретных. И стоило писателю или режиссеру заговорить об этом, как произведение тот час же запрещалось или замалчивалось. Это правило действовало и по отношению к нашим художникам, и к зарубежным. С

на - ко "политическим пасквилом" экранный "Доктор Живаго" никак считаться не может. К числу таких, "реабилитированных" в наше время американских картин о России и ее людях, можно отнести также "Николая и Александру" Ф. Шефнера, "Убийство Троцкого" Д. Лоузи, "Сахарова" Д. Голда и "Красные" У. Битти. Правда, последняя лента всегда стояла несколько особняком. Приступая к работе над ней, известный актер обратился к СССР с предложением о совместном производстве. Тогдашнее руководство Госкино отказалось, хотя соображения, которые оно высказывало, были явно несостоятельны. Дело в том, что почти в это же время С. Бондарчук намеревался сделать "Красные колокола" по Книге Джона Рида "10 дней, которые потрясли мир". К тому же тесное переплетение "революционной" и "любовной" линий у Битти показало чиновникам кошущимся до полу и водили хороводы. После этого было много фильмов "а ля рус", действие иных развернулось в СССР, других — в Америке, третьих — и там, и здесь. И в них хватало смешных, на наш взгляд, деталей. Жаль, что вместо процесса лучшего узнавания друг друга возникло взаимное раздражение, возникли упреки и обвинения. Времени от времени на американские экраны выходили

ро - ма на Пастернака "Доктор Живаго", исследовавшего сложнейшую, полную драматизма коллизию — интеллигенция и революция — ярлык "клевета" в период перестройки был снят. Не стоит его оставлять и на одной именной картине Дэвида Лина (1965). В ней немало эпизодов, поставленных с незаурядным мастерством. В свое время Козинцев и Трауберг, снимая "Шинель", показали монументальные памятники царям с нижней точки. Они, подобно пушкинскому Медному всаднику, нависали над тщедушной фигуркой Акакия Акакиевича, давили на него, пригибали к земле. К этому же приему прибег и Лин в "Докторе Живаго". Казаки, словно конные статуи, возвышаются над испуганными людьми. Этот эпизод несомненно имеет символическое звучание. Удались авторам и образ метели, проходящий через весь роман. Ревет буря за окном в ночь после похорон матери. Выгуга сопровождает бегство героя из партизанского отряда. Ветер швыряет в стекла египетского комыя снега, заучивно воет, словно бы поет

ИСТОРИЯ КИНО

отходную по жизни Юрия. Несмотря на то, что съемки шли в Канаде, Финляндии и Испании, оператору Фредди Янгу в большинстве случаев удалось передать пастернаковское ощущение природы, неброское, но столь притягательное очарование русского пейзажа. Тактично использованы композитором Морисом Жарром мелодии национальных и революционных песен.

"Красные"

на - ко "политическим пасквилом" экранный "Доктор Живаго" никак считаться не может. К числу таких, "реабилитированных" в наше время американских картин о России и ее людях, можно отнести также "Николая и Александру" Ф. Шефнера, "Убийство Троцкого" Д. Лоузи, "Сахарова" Д. Голда и "Красные" У. Битти. Правда, последняя лента всегда стояла несколько особняком. Приступая к работе над ней, известный актер обратился к СССР с предложением о совместном производстве. Тогдашнее руководство Госкино отказалось, хотя соображения, которые оно высказывало, были явно несостоятельны. Дело в том, что почти в это же время С. Бондарчук намеревался сделать "Красные колокола" по Книге Джона Рида "10 дней, которые потрясли мир". К тому же тесное переплетение "революционной" и "любовной" линий у Битти показало чиновникам кошущимся до полу и водили хороводы. После этого было много фильмов "а ля рус", действие иных развернулось в СССР, других — в Америке, третьих — и там, и здесь. И в них хватало смешных, на наш взгляд, деталей. Жаль, что вместо процесса лучшего узнавания друг друга возникло взаимное раздражение, возникли упреки и обвинения. Времени от времени на американские экраны выходили

ним драматургом Тревором Гриффитом написали сценарий, положив в основу не только опубликованные работы Рида и мемуары умерших его современников, но и воспоминания живых — друзей, соратников, недругов. Эти уже очень старые люди появляются на экране в конце наиболее важных эпизодов, своими репликами внося мотивировки в различные периоды биографии Рида и окрашивая ее лирическими, юмористическими или драматическими оттенками. Ведь они помнят не только достоверности Джона и Луизи, но и их слабости, недостатки, изъяны, то человеческое, что никому не чуждо. Столь удачно найденный прием сразу же создал атмосферу неопределенности и искренности. Эти

ИСТОРИЯ КИНО

хотя у нас и не демонстрировалось, но встреченного довольно благожелательно, комедия "Москва на Гудзоне" Пола Мазурского (1984) сразу же после ее выхода на экраны Запада собрала в нашей центральной прессе обильный урожай уничижительных и даже фельетонных статей. А между тем, как и в случае с "Доктором Живаго", в ней надо было разбираться гораздо тщательнее. Ибо в фильме правдиво отражены многие реалии эмигрантской жизни, и в подтексте кроется верная мысль о том, что в Америке каждый должен плыть по волнам житейского моря в одиночку, к чему трудно привыкнуть людям из другого мира, воспитанным в иных, коллективистских, традициях. Те же мотивы ощущаются и в американском документальном фильме "Русские здесь", показанном по нашему телевидению под названием "Бывшие", и в новой картине "Маленькая Одесса". Большинство лент на "русскую тему" делается по образцу упоминавшейся "Песни о России": любовь нашей красавицы и американского журналиста ("Девушка с Петровки"), британского издателя и книжного редактора ("Русский дом"), знающего и российским зрителем) — и только в "Парке Горького" действующие лица, следователь и диссидентка, местные. Показываются все эти любовные перипетии главным образом на фоне московских реалий. Но если раньше при этом всячески подчеркивались бытовые трудности советской жизни (так, в качестве подарка внук принесил деду рулончик туалетной бумаги), то в "Русском доме", выпущенном уже в период перестройки, Катя (Мишель Пфайфер) потчует своего любимого изобильными собственноручно приготовленными блюдами национальной кухни.

Нас многое разъединяет с Америкой. И не только общественно-политические основы, но и способы национального бытия и мышления. Однако не случайно в последние годы публицисты и социологи обильно пишут о том, что жителей обеих стран не стоит показывать в виде марсиан: они — люди, во многом похожие друг на друга. Надо сказать, что в кинематографе американцы нас тут опережают. Уже в середине 1987 года на экраны вышел фильм Рика Розенталя "Русские". Не мудрствуя лукаво,

его авторы положили в основу сюжета ту же коллизию, которая пять лет назад принесла ошеломляющий успех "Е.Т. Инопланетянин" Стивена Спилберга. Только здесь неведомое существо прибыло не из далекой Галактики, а из кажущейся не менее далекой России. И не на ракетном корабле, а на подводной лодке, терпящей бедствие у берегов США во время шторма. Одного из спасшихся на шлюпке моряков находят дети — обычные школьники, воспитанные на комбинате, где злодеями обязательно были "коммуняки" чуть ли не с детства, а слышал об Америке, и правда, и неправда". Только близкое

знакомство со страной помогает по-настоящему понять ее. Теперь Пушкин и его новые друзья твердо знают: можно верить друг другу. В 90-е, когда эйфория первых лет перестройки уже несколько улетучилась, американские фильмы о России стали гораздо более жесткими и по содержанию, и по стилистике. Название "Чернобыль: последнее предупреждение", где доктора Гейла играл Йон Войт, а Миша, хотя его сердце и отдано Диане, не может остаться: он любит свою родину и вернется туда. Но на прощанье признается: "Все, жам в зубах. А Михаил Александрович Пушкин оказывается симпатичным блондином с голубыми глазами и открытой улыбкой — совсем таким, как молодые американцы, и недаром троица с ним быстро подружилась: он развекает их исполнением песни "Шаланды, полные кефали"... У Дианы же — сестры одного из мальчиков, вправившей "пришельцу" вывихнутое плечо с помощью тяжелого тома "Войны и мира", возникает к нему более теплое чувство... Одно из спасшихся на шлюпке моряков находят дети — обычные школьники, воспитанные на комбинате, где злодеями обязательно были "коммуняки" чуть ли не с детства, а слышал об Америке, и правда, и неправда". Только близкое

знакомство со страной помогает по-настоящему понять ее. Теперь Пушкин и его новые друзья твердо знают: можно верить друг другу. В 90-е, когда эйфория первых лет перестройки уже несколько улетучилась, американские фильмы о России стали гораздо более жесткими и по содержанию, и по стилистике. Название "Чернобыль: последнее предупреждение", где доктора Гейла играл Йон Войт, а Миша, хотя его сердце и отдано Диане, не может остаться: он любит свою родину и вернется туда. Но на прощанье признается: "Все, жам в зубах. А Михаил Александрович Пушкин оказывается симпатичным блондином с голубыми глазами и открытой улыбкой — совсем таким, как молодые американцы, и недаром троица с ним быстро подружилась: он развекает их исполнением песни "Шаланды, полные кефали"... У Дианы же — сестры одного из мальчиков, вправившей "пришельцу" вывихнутое плечо с помощью тяжелого тома "Войны и мира", возникает к нему более теплое чувство... Одно из спасшихся на шлюпке моряков находят дети — обычные школьники, воспитанные на комбинате, где злодеями обязательно были "коммуняки" чуть ли не с детства, а слышал об Америке, и правда, и неправда". Только близкое

"Доктор Живаго"

ль", снятой в нынешнем году. Начнем с названия, замствозванного у Светланы Алексиевич. Те, кого она так назвала, уже нигде не могут уйти, ибо давно похоронены. Режиссер же, видимо не уловив этой тонкости, окунул ветеранов Афганистана в сегодняшнюю московскую жизнь. Они или торгуют в коммерческих ларьках, или занимаются рэкетом. И все погововно мечтают податься из России на Запад. Лишь изредка через хитросплетения сюжета пробивается ощущение того морального надлома, который пережили эти молодые люди, столкнувшись сначала с ужасами неправой войны, а потом — с новыми реалиями жизни на родине. Если же речь идет о русских в США, то там переживаются все те же мотивы судьбы эмигрантов. В "Пленнике времени" Марка Левинсона (1994) Елена Корнеева играет русскую писательницу-диссидентку, приехавшую в Соединенные Штаты за литературной премией. Там она встречается со своим бывшим любовником (Олег Видов) — художником, пережившим белой успех и оставшимся не у дел. От картины как будто отдает нафталином. Таким устаревшим представляется сегодня и ее тематика, и художественное решение. В заключение хотелось бы отметить: сама природа кинематографа такова, что несколько ложных бытовых подробностей, несоответствие исполнителей национальному типу, невероятность примет, нехарактерных или давно исчезнувших, могут настолько испортить даже самый благородный в своей основе замысел, что в сознании зрителя страны, о которой идет речь — в данном случае — России, возникнет искаженный образ своей родины, своего быта, своей культуры. Эта опасность угрожает и нашим фильмам об Америке. И только очень немногим лентам по обе стороны Атлантики удается ее избежать. Но, тем не менее, сам факт, что сегодня мы можем смотреть (хотя бы на видео!) "закрытые" ранее зарубежные ленты и писать о них, радует и окрыляет, ибо свидетельствует о грандиозных переменах.

Елена КАРЦЕВА